

УДК 81-2:8.11[161.1:512.111:811.111]

ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Мясникова И.А.

В статье описываются антропоцентрические способы языковой репрезентации природных явлений в русской, английской и чувашской лингвокультурах с сопоставлением их аксиологических профилей. Материал составили паремии, примеры из художественных текстов и лексикографические данные; анализ проведён параметрически на лексико-семантическом, грамматическом и дискурсивном уровнях. Установлено, что при общих когнитивных основаниях агентивизации и персонализации природных процессов лингвокультурное распределение акцентов неодинаково: в русской и английской лингвокультурах чаще доминируют деятельностно-контрольные интерпретации, тогда как в чувашской заметнее согласовательные и адресные формулы взаимодействия с природой. Показано, что метафоризация и антропоморфизация повышают интерпретируемость и регулятивность описаний, одновременно усиливая оценочность.

Ключевые слова: антропоцентризм, языковая картина мира, природные явления, антропоморфизация, аксиологическая маркированность.

NATURAL PHENOMENA AS AN OBJECT OF ANTHROPOCENTRIC INTERPRETATION

Myasnikova I.A.

The article describes anthropocentric methods in linguistic representation of natural phenomena in the Russian, English and Chuvash linguocultures, comparing their axiological profiles. The material consists of proverbs, examples from literary texts and lexicographic data; the analysis was carried out parametrically at the lexical-semantic, grammatical and discursive levels. It has been established that with common cognitive bases for agentivization and personalization of natural processes, the linguistic and cultural distribution of accents is not the same: in Russian and

English linguistic cultures, activity-control interpretations are more often dominant, whereas in Chuvash, consistent and targeted formulas for interaction with nature are more noticeable. The author shows that metaphorization and anthropomorphization increase the interpretability and regularity of descriptions while enhancing evaluation.

Keywords: anthropocentrism, linguistic worldview, natural phenomena, anthropomorphisation, axiological marking.

Антропоцентризм как философско-мировоззренческая парадигма утверждает человека в роли центрального элемента мироздания, что неизбежно отражается на структуре и семантике языка. Вербализация природных явлений, будучи продуктом когнитивной деятельности, не только фиксирует наблюдаемые процессы, но и конструирует их восприятие сквозь призму человеческого опыта. Данный процесс предполагает трансформацию объективных явлений в систему знаков, наделённых культурно обусловленными смыслами.

Целью работы является описание антропоцентрических способов репрезентации природных явлений и сопоставление их аксиологических профилей в русской, английской и чувашской лингвокультурах.

Задачи включают: 1) выделение типовых средств вербализации (грамматические модели движения; предикаты с антропоморфной семантикой; дискурсивные формулы регулятива), 2) сопоставление их интерпретационных эффектов и оценочной маркированности, 3) установление общих когнитивных инвариантов и культурно-специфических расхождений.

Материалом послужили единицы паремиологического фонда, примеры из художественных текстов и данные лексикографических источников трёх языков; отбор осуществлялся по критерию устойчивости употребления и наличия семантики природного прототипа. Методика основана на параметрическом сопоставлении по трём уровням: лексико-семантическому (номинации и устойчивые сочетания), грамматическому (конструкции

агентивности/процессуальности) и дискурсивному (сценарии поведения и оценочные клише).

Антропоцентризм в языкознании трактуется как ориентированность языковых средств на человеческий опыт – перцептивный, телесный, социальный. С этой точки зрения вербализация природных явлений не только фиксирует наблюдаемую динамику, но и задаёт способы её интерпретации. Далее мы рассматриваем три типа языкового оформления: 1) грамматические модели движения («идёт дождь»), 2) предикаты с антропоморфной семой («буря свирепствует»), 3) дискурсивные сценарии, нормирующие поведение («переждать туман», «укрыться от грозы»). Методологической базой исследования является семантико-когнитивный подход, согласно которому значение служит каналом доступа к содержанию концептов [6, с. 2; 12, с. 14]; оценка рассматривается как конститутивный параметр значения [1, с. 3-4]. Материалом исследования послужили русские, английские и чувашские данные (паремиология, художественные тексты, лексикографические источники).

Представление об антропоцентризме в лингвистике целесообразно уточнить как описание языка на основе опыта человека и способы организации знания: язык не только обслуживает коммуникацию, но и «выполняет... функцию фиксации и хранения всего комплекса знаний и представлений данного языкового сообщества о мире» [5, с. 4], прежде всего в лексике и фразеологии. Тем самым, антропоцентрически мотивированная фиксация опыта в лексике и фразеологии образует не набор разрозненных фактов, а систему языковых средств, через которую сообщество типизирует наблюдаемое, распределяет значения и закрепляет оценочные ориентиры. Именно этот системный слой традиционно описывается понятием языковой картины мира как результата концептуализации и категоризации действительности в языковых формах. При этом само понятие «языковая картина мира» трактуется неоднородно; объединяющим остаётся тезис о языковой закреплённости процессов и результатов концептуализации действительности [см.: 14].

Когнитивный подход разводит уровни мышления и вербализации: «Мышление невербально, язык существует не для осуществления мышления, а для выражения, сообщения и обсуждения результатов мыслительного процесса человека» [12, с. 42]. Тем самым языковые репрезентанты дают доступ к содержанию концептов, но не являются тождественными им. Учитывая этот тезис, представляется возможным утверждать, что антропоморфные и событийные описания природных явлений («*дождь идёт*»; «*ураган свирепствует*»; «*the storm raged*»; «*the wind howled*»; «*тёмпе яв'натъ*»; «*юра хупларё*») выступают регулярными средствами интерпретации наблюдаемого через совокупность культурно усвоенных категорий и оценок, т.е. через устойчивые языковые способы соотнесения опыта и знания.

Согласно теории языковой картины мира, предложенной В. фон Гумбольдтом и разработанной более широко А. Вежбицкой, язык не пассивно отражает реальность, а активно формирует её восприятие через специфические категории. Антропоцентризм проявляется в доминировании метафор, которые переносят свойства человека на неодушевлённые объекты. Например, в русском языке дождь «идёт», солнце «садится», а ураган «свирепствует», что имплицитно наделяет природу чертами агента, способного к целенаправленному действию. В работе «Метафоры, которыми мы живём» [7] Лакофф и Джонсон демонстрируют, что абстрактные понятия конструируются через физические и социальные взаимодействия. Природные явления, лишённые интенциональности, приобретают её посредством метафорических переносов: гром «гремит», мороз «кусает», река «бежит» [см.: 9]. Антропоморфизмы, в свою очередь, служат средством персонализации природы: небо хмурится; *the fog creeps*; сил вёрет (букв. «ветер дует») [см.: 10].

В мифологии и фольклоре этот механизм достигает апогея: ветер становится существом с характером («свистун» в славянских преданиях), горы – хранителями памяти («каменные великаны»). Даже в научном дискурсе антропоморфизация сохраняется, хотя и в редуцированной форме: например, термины «материнская порода» или «агрессивная среда» в геологии.

Антропоцентризм в лингвистике описывает не «центризм человека» вообще, а способ организации значения: природные процессы входят в сферу языка через те перцептивные и культурные схемы, которыми располагает носитель. Вербализация, таким образом, не просто называет явление, а переводит его в устойчивые знаковые форматы, закрепляющие коллективный опыт – от идиоматики до жанровых клише; именно в этом смысле язык сохраняет и транслирует культурные нормы и ценности между поколениями [см.: 13].

В области, относящейся к природным явлениям, это особенно заметно: дискурс систематически использует метафоры и фразеологизмы для переноса наблюдаемых природных явлений на деятельность человека (ориентирование, предосторожность, эстетизация), а получившиеся образные единицы соотносятся с когнитивными установками и ценностными шкалами сообщества [4].

Такой подход требует рассмотрения на нескольких уровнях, а именно на лексико-семантическом, грамматическом и дискурсивном, поскольку именно их совокупность делает видимой связь образных средств с культурной компетенцией носителей. Сопоставление показывает, что антропоцентрические модели вербализации природного мира разнонаправленны. В русской и английской традициях заметна установка на активное «оформление» природного пространства в категориях человеческого действия и контроля [см.: 11].

Это проявляется в устойчивых клише освоения и борьбы со стихиями и поддерживается широкой идиоматикой погодной тематики в английском (откуда видно, что образы природных явлений регулярно служат носителями ценностной оценки и социально значимых смыслов): *to harness the wind*, *to conquer the wilderness*; *вэйлă ħил тапранчĕ* / налетел сильный ветер; *ħил туллат* / ветер бушует [8]. В чувашской лингвокультуре, напротив, чаще реализуется «согласовательный» тип отношения: природное явление мыслится как соучастник и адресат обращения, что фиксируется в формулах

благопожелания, просьбы и запрета и в целом задаёт режим уважительного взаимодействия с природой (*сумӑртан пулӑшу ыйт / просить у дождя помощи*), а также «зафиксирована покорность могуществу природы: *курӑк та силе хирӗс тайӑлмасть* (посл.) / и трава не клонится против ветра» [2, с. 173; 3]. При этом во всех трёх традициях природные явления входят в ядро концепта «природа» и обладают культурной значимостью, но распределение акцентов (от инструментально-деятельностного к гармонизирующему) является разным.

Рассмотрение антропоцентрических способов вербализации природных явлений выявляет устойчивую связь языка, когнитивных процедур и культурной нормы. Образные модели и антропоморфные предикаты выполняют функцию когнитивной экономии: делают сложные физические процессы более выразительными и управляемыми в коммуникации, одновременно вводя оценочную разметку и сценарии поведения. Вместе с тем наблюдается методологическое ограничение: повышая интерпретируемость, она частично «заслоняет» автономию природного процесса, смещая фокус к человеческим целям и практикам. Поэтому аналитически важно различать уровни описания от грамматики движения до дискурсивных сценариев риска и поддержки, и фиксировать баланс между интерпретацией и физическим прототипом.

Перспективы видятся в корпусных и межъязыковых исследованиях (частоты, жанровые распределения, переводческие стратегии) и в сопоставлении с описаниями природных явлений. С этой точки зрения изучение механизмов вербализации проясняет устройство языкового смысла и уточняет, как культура определяет взаимодействие человека с природой.

Список литературы:

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 338, [1] с.
2. Борисова Л.В. Лингвокультурологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2015. 373 с.

3. Борисова Л.В. Стереотипы традиционного народного сознания и этнокультурные архетипические представления в языковой репрезентации (на материале русского и чувашского языков): дис. ... докт. филол. наук: спец. 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. Казань, 2015. 465 с.
4. Бычкова О.Н. Лингвокультурологическая репрезентативность английского метеорологического дискурса // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 3 (46). С. 124-129.
5. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
6. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знания о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: УРСС, 2004. 252, [2] с.
8. Маругина Н.И., Ламинская Д.А. Концепт «природа» в русской и английской языковых картинах мира // Язык и культура. 2010. № 2 (10). С. 36-45.
9. Мясникова И.А. Концептуализация лексемы «rain/сумӑр [дождь]» в английском и чувашском языках // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2023. № 3 (120). С. 35-41.
10. Мясникова И.А. Особенности лексической репрезентации снега в языковой картине мира разносистемных языков (на примере русского, английского и чувашского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. № 3. С. 1174-1179.
11. Мясникова И.А. Функционирование репрезентантов природных явлений летнего времени года в языковой картине мира в английском и чувашском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 12. С. 4548-4553.

12. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. 314 [6] с.

13. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пос. для студентов, аспирантов и соискателей по специальности «Лингвистика и межкультурная коммуникация». М: Слово, 2008. 261, [1] с.

14. Яковлев А.А. Языковая картина мира как лингвистическое понятие: обзор российских публикаций последних лет // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15. № 2. С. 5-20.

Сведения об авторе:

Мясникова Ирина Алексеевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2 Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (Чебоксары, Россия).

Data about the author:

Myasnikova Irina Alekseyevna – Senior Lecturer of Foreign Languages Department No 2, I.N. Ulianov Chuvash State University (Cheboksary, Russia).

E-mail: myasnikovaia@inbox.ru.